

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ: ПОПЫТКА ДЕМАРКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Кобенко Ю.В., Шарапова И.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: serpentis@list.ru

В статье рассматриваются диалектические признаки переводческих категорий эквивалентности и адекватности, даётся анализ объёмов понятий, обосновывается межъязыковая безэквивалентность, приводятся примеры переводческого натурализма. В качестве базового дифференциального критерия функционирует автоматизм «форма vs. содержание» = «эквивалентность vs. адекватность», позволяющий различать формальную (системную) и содержательную (функциональную) стороны перевода текстов как функционирующих объектов. Функциональная сторона представлена антиномией «смысл vs. содержание» и реализуется в строгой зависимости от цели (skopos) перевода. Функциональный подход оправдывает себя при переводе реалий, в особенности когда переводчик ищет стратегию между заимствованием формы безэквивалентного явления и калькированием его содержания. Несмотря на необходимость обеспечения баланса между формой и содержанием при переводе, адекватность, выражающаяся в репродукции элементов содержания исходного текста средствами языка-источника с учётом особенностей целевой культуры, имеет первостепенное значение. Эквивалентность, отражающая количественную сторону перевода, не должна становиться самоцелью и приводить к искажению смысловой составляющей текста оригинала и, следовательно, намерения автора, а скорее обеспечивать точность и семантическую близость сопоставляемых регистров.

Ключевые слова: перевод, адекватность, эквивалентность, безэквивалентность, переводческий натурализм, реалии, функциональная и семантическая реконструкция исходного текста.

EQUIVALENCE AND ADEQUACY: AN ATTEMPT AT DEMARKING TRANSLATION CATEGORIES

Kobenko Y.V., Sharapova I.V.

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, main street Lenina, 30), e-mail: serpentis@list.ru

The article deals with dialectic attributes of translation categories of equivalence and adequacy; their denotations are analyzed; the fact of direct equivalents absence in any languages of translation is substantiated; examples of translational naturalism are provided. The automatism of “form vs. meaning” = “equivalence vs. adequacy” that enables to differentiate the form (system) and content (function) of text as a functioning object of translation. The functional aspect is represented by the antinomy “sense vs. content” complies with the aim (skopos) of translation. The functional approach can be used for translating realia especially when the translator tries to build up a strategy between borrowing the form of an untranslatable phenomenon and reproducing its meaning. Though the balance between the form and content must be kept, the adequacy meaning the reproduction of the content elements of the original text by means of the source language regarding the peculiarities of the target culture is of prime importance. The equivalence, which displays the quantitative aspect of translation, should not be an end in itself during translation and distort the meaning of the original text component and, therefore, the intention of the author, but rather to ensure the accuracy and semantic proximity of the registers compared.

Key words: translation, adequacy, equivalence, untranslatables, translational naturalism, realia, functional and semantic reconstruction of source text.

Эквивалентность и адекватность – лингвистическое выражение диалектических категорий количества и качества: эквивалентность представляет собой количественное соответствие текстов оригинала и перевода и их средств (ср.: «Эквивалент (от позднелат. *aequivalens* – равнозначный, равноценный) – предмет или *количество*, равноценные, равнозначные или соответствующие в каком-либо отношении другим и могущие служить им выражением или заменой» [3]), а адекватность – качественное. Главный парадокс данного соотношения

состоит в том, что ища количественное соответствие (в идеале 1:1), т.е. подходящую единицу для перевода, переводчик подспудно желает достичь адекватного перевода.

Цель исследования

Целью исследования выступает попытка дифференциации базовой антиномии науки перевода «эквивалентность vs. адекватность» с позиции диалектики.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования привлекался корпус примеров из курса теории перевода, разработанного авторами статьи в рамках подготовки студентов Национального исследовательского Томского политехнического университета по направлению «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». При проведении исследования использовался методологический инструментарий сравнительно-типологического языкознания.

Результаты исследования

Очевидно, что сложнее достичь эквивалентного перевода, т.е. количественного соответствия текстов оригинала и перевода и их средств. Если адекватность предполагает относительно свободную реконструкцию содержания в соответствии с нормами языка перевода, то эквивалентность направлена на репродукцию относительно одинакового количества единиц текста. К примеру, в кинематографе весьма распространён комический приём, связанный с неэквивалентно громоздким переводом небольшого количества слов или, наоборот, с неоправданно скудной передачей длинной тирады парой слов, ср. похожую сцену в художественном фильме «Бриллиантовая рука» (режиссёр Л. Гайдай, 1968), когда возмущённое распространение контрабандиста переводчица переводит краткой репликой «Извините, погорячился!».

В основе представлений об эквивалентности лежит желание переводчика или редактора *измерить* оба текста, что вполне оправдано, так как объёмы текстов оригинала и перевода редко совпадают по количеству слов, строк и страниц. Существует познание о функциональном разнообразии и принципиальной неэквивалентности языков, т.е. отсутствии количественного равенства между оперируемыми регистрами в языках оригинала и перевода. Проверим это на простом примере сравнения функционально-семантических свойств личных местоимений второго лица единственного числа в русском, немецком и английском языках.

Личное местоимение	Используется в значении безличного местоимения	Опция опущения (омиссия)	Гоноративное значение	Возможность написания с заглавной буквы	Омонимия со вторым лицом множественного числа
<i>ты</i>	+	+	–	+	–
<i>du</i>	+	–	–	+	–
<i>you</i>	+	–	+	–	+

Как можно видеть, даже личные местоимения, создающие иллюзию полной эквивалентности в языках-потомках индоевропейского, различаются как по объёму значения, так и по функциям в речи, а значит, не могут расцениваться как абсолютные соответствия. Более того, в русском и немецком языках степень эквивалентной дистрибуции личного местоимения второго лица множественного числа более высока, чем в языках одной группы – немецком и английском. Даже генетическая родственность (немецкий является прародителем английского) не является залогом для наличия эквивалентности. Для блага переводчика следует отказаться от иллюзии полной эквивалентности в силу следующего соображения: лучше исходить из безэквивалентности даже в родственных и гомологических языках, дабы сохранять бдительность, чем довериться полному сходству и стать жертвой ошибки.

Итак, абсолютной эквивалентности не существует (по нашему уговору или в природе – не имеет значения). Значение имеет тот факт, что количественное сравнение текстов оригинала и перевода доказывает их априорную неэквивалентность. Существует мнение, что это связано с так называемой формой языка и проистекающими отсюда представлениями о компактности его средств. К примеру, немецкий язык считается достаточно громоздким в силу своей способности к практически неограниченному словосложению как способу номинализации. Данное свойство немецкого языка используется со времён М. Твена как аргумент для критики, в особенности, если речь идёт о более компактном заимствовании, которому противопоставлен громоздкий немецкий эквивалент. Действительно, единицы *«umweltverträglichkeitsprüfungspflichtig»*, *«Haifischschwanzflossenfleischsuppe»* и *«Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz»*, представляющие собой детерминативные композиты [1, 2], вряд ли можно считать компактными, однако их перевод на другой язык может занять ещё больше места, если использовать описательные конструкции. Тем самым правомерно заключить, что не форма языка выступает причиной неэквивалентности, а способ лексикализации содержания. В этом плане выигрывают инкорпорирующие языки, которые лишены линейности и эксплицируют значения через более сложные формы знаков-предложений.

Перевод может осуществляться в рамках пар языков, которые лексикализируют содержание по-разному. К примеру, на паре языков «немецкий vs. английский» издатель будет всегда экономить бумагу, а вот при обратном соотношении – расходовать больше. Как отмечено выше, существенную роль при этом играет тип языка: флективные и агглютинирующие расходуют, очевидно, больше бумаги, чем изолирующие, а аналитические позволяют сэкономить при переводе на синтетические. Примеры количественных

несоответствий многочисленны, вот некоторые из них на примере пары языков «русский vs. немецкий» (слов : слов):

рус.: <i>оказалось(, что...)</i>	1:4	нем.: <i>es hat sich herausgestellt(, dass...)</i>
рус.: <i>до свадьбы заживёт</i>	3:11	нем.: <i>bist du das dritte Mal geschieden bist, ist das wieder verheilt</i>
рус.: <i>на ловца и зверь бежит</i>	5:3	нем.: <i>Kunst bringt Gunst</i>
рус.: <i>получить повышение по карьерной лестнице через интимную связь с руководителем</i>	10:1	нем.: <i>hochschlafen</i>

Обособленно стоят переводы фраз и выражений, которые не имеют эквивалентов в целевой культуре, к примеру: *der Persilschein* (удостоверение о денацификации), значка (*heimliches und verstecktes Ersparnis*). Безусловно, лексическая лакунарность играет большую роль в поисках эквивалентов, ср. единицы «*борщ*» → «*die Kohlsuppe (der Borschtsch)*», «*масленица*» → «*die russische Fastnacht*». Именно поэтому требуется количественное соответствие, востребованное большей частью в лексикографической практике, где лемматические регистры противопоставлены друг другу по схеме 1:1.

Перевод и поиск эквивалента – не одно и то же. К примеру, слово «пустырник» можно перевести «*Ödwurz, Heidenwurz*». В отличие от них «*Herzgespann*» – это эквивалент, который присутствует в культурном пространстве народа и имеет историческую традицию. Таким образом, ища эквивалент, переводчик ищет номинализацию, которая должна быть закреплена в ментальной сфере носителей, обладать устойчивым знаком, понятным и узнаваемым представителями языкового коллектива. Для понимания природы эквивалентности и адекватности уместно соотнести данные критерии сопоставления текстов оригинала и перевода с ипостасями языковой единицы: формой и содержанием. Эквивалентность является выражением формальной стороны перевода, т.е. стремление переводчика к поиску эквивалента связано с подбором словарного или корпусного соответствия. Содержание объективирует адекватную сторону перевода и выступает экспликацией семантической стороны языковой единицы.

В практике перевода распространены случаи излишней фиксации переводчиков на формальной стороне продукта перевода – так называемой переводческой симметрии, известной также как натурализм. Отправной точкой такой стратегии является ложное представление о том, что для любой единицы языка оригинала существует некая эквивалентность в языке перевода образца 1:1, которая может и должна быть реализована в тексте перевода. Проще говоря, симметрия – это готовность переводить всё, что встречается

переводчику в тексте оригинала. В американской информатике такой принцип обозначается акронимом GIGO – «*garbage in, garbage out*». Его используют в отношении оценки функционирования примитивных компьютеров по принятию и переработке данных: на байт входящей информации будет выдан байт исходной (1:1). Безусловно, опытный переводчик сможет подобрать эквивалент для любого контекста, однако предположение о принципиальной переводимости всех средств языка оригинала представляется спорным. Причина была названа выше: неэквивалентность языков и, следовательно, оперируемых средств по объёму содержания и функциям в речи. К примеру, семема немецкого глагола «*sich benehmen*» уже включает сему «*хорошо*», ср.: *Kinder, benehmt euch, wenn ihr zu Gast seid!* Однако симметричный подход многих переводчиков, к сожалению, приводит к тому, что при переводе с русского на немецкий язык в тексте перевода оказывается единица «*gut*», которая в немецком языке попросту избыточна.

Приведём ещё один пример. В русской синхронизации документального фильма о строительстве города Версаль (National Geographic, 2012) фраза «*This (= the building of Versailles in a swamp) was the choice of the king*» переведена натуралистично как «*это был выбор короля*». История фильма повествует о том, как король Людовик, заведя вельмож в версальские болота, принимает решение построить в этом неприглядном месте резиденцию французских королей, «*о великолелии которой будет говорить весь мир*». Безусловно, единицу «*выбор*» в русском переводе можно было бы считать тогда адекватной единице «*choice*», т.е. совпадающей по содержанию и функции (см. далее), когда в качестве объекта высказывания (в функции дополнения) фигурировала бы единица «*место*». В данном же контексте речь не идёт о выборе, под которым в русском языке подразумевается решение в пользу одного из минимум двух вариантов, а о принятии странного и отчасти вольнодумного решения. Адекватными вариантами перевода представляются, тем самым, единицы «*решение / решить*», «*прихоть*», «*воля*», точно характеризующие поступок короля, ср.: 1. Прихотью короля было построить Версаль на болотах. 2. И решил король построить Версаль на болотах. 3. По воле короля Версаль построили на болотах.

Похожее наблюдается зачастую при переводе реалий, когда, положим, оптимальным способом было бы «растворить» безэквивалентную инокультурную единицу, сделать её «невидимой», не заострять внимание читателя на этом малопонятном «сгустке» инокультурного опыта. Переводчик же, забывая о том, что реалии в тексте оригинала являются самыми обыкновенными единицами, а отнюдь не средствами создания специального стилистического колорита, искусственно создаёт «слепок» реалии текста оригинала в тексте перевода через фиксацию её чужеродной оболочки (формы), что, наоборот, приводит к нарушению органичного восприятия текста и даже искажению

содержания. Так, перевод на немецкий язык единицы «*маршрутка*» в транслитерированной или транскрибированной форме «*Marschrutka*» вряд ли облегчает понимание этого явления постсоветской действительности. В разговоре А и Б на русском языке как языке оригинала А регулярно использует единицу «*маршрутка*» для сообщения Б деталей перемещения. Б также (адекватно) воспринимает её как средство передвижения, а не некий вид транспорта, противопоставленный всем другим средствам перемещения в мире (да и откуда Б знать о том, какие виды транспорта существуют вне её реальности?). Удерживая русскоязычную форму (а смена одной графики не делает форму немецкоязычной), переводчик убеждает читателя, что А рассказывает Б об уникальном для постсоветского пространства виде транспорта – маршрутке и диалог А и Б направлен не на сообщение Б деталей перемещения, а на самого читателя, до которого доносят информацию об особенностях маршрутного транспорта в очень популярной форме – через диалог, а не через энциклопедическую статью. Очевидно, что переводческая симметрия не оправдывает себя даже в приближенном сопоставлении контекстов. Наивысшим проявлением натуралистического подхода выступает заимствование при переводе. Досадно, если продукты натуралистического словотворчества переводчиков становятся нормой, но в русле американизации европейских языков данная тенденция лишь усиливается. К примеру, на упаковках продуктов немецкой фармацевтической индустрии упрочилась практика перевода единицы «*care*» в сочетании «*intensive care*» сочетанием «*intensive Pflege*» вместо «*ausgeprägter Effekt, wirkungsintensiv*». Однако даже для неопытного переводчика очевидна функционально-семантическая, функционально-стилистическая и прагматическая неоднородность сопоставляемых единиц <*care*> ≠ <*Effekt, Wirkung*>: во-первых, уход ещё не означает выраженный эффект и исцеление; во-вторых, англоамериканизмом «*intensive care*» изготовители стимулируют продаваемость товара при возможном отсутствии гарантии исцеления, в то время как немецкоязычное сочетание «*ausgeprägter Effekt*» указывает на фармакологические свойства препарата и помогает сориентироваться в выборе лекарственных средств определённой группы.

Заключение

Таким образом, оптимальной стратегией переводчика можно считать согласованность формальной и содержательной сторон перевода. Необходимо помнить, что гипертрофия формы ведёт к дистрофии содержания и, наоборот, поэтому залогом удачного перевода выступает соблюдение баланса между данными его ипостасями. Однако адекватность является выражением не только содержательного соответствия сопоставляемых текстов. В отличие от эквивалентности, которая существует в ряде разновидностей, адекватность – универсальный индикатор качественного соотношения текстов оригинала и перевода

независимо от типа (последовательный, вспомогательный и др.) и жанровой реализации перевода (устный, письменный). Под качественным соотношением следует понимать совпадение семантических (содержания) и функциональных характеристик (смысла) текстов оригинала и перевода. Функциональные характеристики распадаются на а) адекватность выбранного жанра текста перевода, б) функциональную равноценность сопоставляемых текстов и в) схожесть их воздействия на целевую аудиторию в исходной и целевой культурах. Совпадение семантических характеристик текстов оригинала и перевода определяется подбором наиболее подходящих вариантов из близкого по значению семантического окружения (синонимического ряда) всех единиц текста перевода в совокупности. Например, адекватным вариантом перевода английского глагола «*survive*» в предложении «*the tradition survived till the 17th century*» будет в немецком языке глагол «*(fort)bestehen*» из семантического ряда [*überleben, erhaltenbleiben, (fort)bestehen*] (ср.: «*die Tradition bestand bis zum 17. Jahrhundert (fort)*»), а в русском языке – «*(про)существовать*» соответственно из [(про)существовать, (про)жить, (про)быть, сохраниться, остаться] (ср.: «*традиция (про)существовала до 17-го века*») [5]. Функциональные параметры адекватности имеют главным образом стилистическую и прагматическую направленность. Здесь уместно говорить о соответствии смыслового плана. Смысл по Ф. Фреге (нем. Sinn) всегда связан с функцией речевого произведения, с его воздействием на адресата (в данном случае читателя), с необходимостью реализации коммуникативного намерения в определённой коммуникативной ситуации и др. [4]. Многие начинающие переводчики путают понятия смысла и содержания. Смысл объективирует экстралингвистическую реальность единицы или текста, в то время как содержание – интралингвистическую. Содержание текста более материально, оно связано с формой подачи информации, смысл же более абстрактен и коррелирует с коммуникативной стратегией говорящего, с целью создания речевого произведения и его функциональной стороной. Достаточно иллюстративно различие смысла и содержания можно продемонстрировать на примере немецкого предложения «*Das klingt grün?*». С точки зрения содержания, т.е. семантики, данное высказывание алогично, однако в прагматической перспективе, позволяющей эпидигматически соотнести единицу «*grün*» с таковой единицей «*ökologisch, umweltfreundlich, demokratisch*», данное высказывание представляется «не лишённым смысла». Безусловно, никто не может требовать от переводчиков равновесной реализации эквивалентности и адекватности в рамках определённой стратегии, т.е. 50 %:50 %. Адекватность перевода как качественное его выражение выступает критерием, который должен предпочитаться эквивалентности. Тем не менее это не означает, что, увлекаясь качеством перевода, позволительно забыть о соответствии объёмов текстов оригинала и перевода. Именно соответствие объёмов

определяет степень эквивалентности сопоставляемых текстов и позволяет вывести на первый план приём семантической реконструкции текста перевода, подразумевающий репродукцию элементов содержания текста оригинала средствами языка перевода в целевой культуре, к примеру: «*CCTV in operation*» – «ведётся видеонаблюдение».

Список литературы

1. Кобенко Ю.В. Тенденции к диаморфизму в современном немецком языке // Томский журнал лингвистических и антропологических явлений. – № 3. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2014. – С. 17–22.
2. Кобенко Ю.В., Зяблова Н.Н. Структурные особенности терминологических акронимов в текстах английского научно-технического стиля сферы возобновляемых источников энергии // Филологические науки: вопросы теории и практики. – № 5(1). – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 71-73.
3. Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 2015 с.
4. Шульга Е. Н. Герменевтический анализ логических текстов Г. Фреге // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы Общероссийской научной конференции. – СПб., 1998. – С. 426-429.
5. Kobenko Yu.V., Ptashkin A.S. Equivalence and Appropriateness: Divergence Characteristics of Categories under Translation // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2014. – Vol. 5. – No. 27. – Pp. 1694-1697. – Режим доступа: <http://mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/5244> (дата обращения: 30.01.2015).

Рецензенты:

Которова Е.Г., д.фил.н., профессор, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск;

Романовский Н.В., д.и.н., профессор, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.